

ки в консервной банке: «Вот я и влип! Жесткий, длинный, плаваю в масле. Но от этого мало радости, если крышка уже припечатана».

В своем рассказе Артур многое опускает, и читателю приходится об этом многом догадываться. Поэтому в романе огромную роль играет подтекст, в котором заключена большая часть характеристики действующих лиц.

Процесс восприятия мира героем передается в своеобразном «ключе». Артура постоянно тревожит мысль о разобщенности людей. Так возникает мотив бегства героя от всего, что дает ему сильнее почувствовать свое одиночество: «Никто никого не знает. Это открытие и заставило меня убежать. Не то чтобы я убегал от Носатого, — нет, я убегал от того мира, про который я когда-то думал, будто я его знаю».

Для почерка Чаплина характерны суровость, собранность и лаконизм, доходящий порой до аскетической экономии слова, в то время как стиль Лесли местами излишне красочен и элегичен. Книга Чаплина производит впечатление большей художественной целостности и отточенности, чем роман «В моем одиночестве». Но здесь трудно проводить сравнение, поскольку каждое произведение по-своему хорошо: проникновенная поэтичность Лесли и горький накал Чаплина прекрасно дополняют друг друга.

■
«В моем одиночестве» и «День сардины» — честные книги. Они говорят правду о жизни тинэйджеров и верны в основных своих выводах: не человек, а общество устроено плохо. Трудно расстаться с их молодым героем в ту минуту, когда первое решительное столкновение между ним и окружающим его миром закончилось победой последнего. Будет ли эта победа полной и окончательной или только временной? «Милый маль-

чик... — спрашивает себя Артур Хэггертон, заканчивая свой рассказ. — А куда ты идешь?.. Честное слово, иногда я чувствую, что, если хоть кто-нибудь подойдет ко мне и кивнет — я пойду за ним. Даже чемоданчика с чистой рубашкой и носками не возьму с собой». Хочется думать, что настоящий человек подойдет к Алану и Артуру и поможет им найти себя: ведь их можно и нужно спасти от незаслуженного одиночества.

В. СКОРОДЕНКО

ИРОНИЯ И ГОРЕЧЬ

William Saroyan. Here Comes There Goes You Know Who. Simon and Schuster. New York, 1961.

« от приходит, вот уходит, сам знаешь кто» — так странно назвал свою новую книгу Уильям Сароян. Все его творчество — нескончаемый рассказ о самом себе. Среди книг Сарояна есть и непосредственно биографические, как «Велосипедист на биверлейских холмах». Есть и такие, как сборник рассказов «Меня зовут Арам» или роман «Человеческая комедия», в которых реальные детали несколько преобразованы.

Новая книга откровенно биографична; главный ее герой — американский писатель, армянин Уильям Сароян, 52-х лет, живущий в Париже. Это — книга очерков, эссе, отдельных рассказов, которые не связаны между собой ничем, кроме личности автора. Большая часть этих очерков посвящена детству.

Детство притягивает Сарояна, как магнит. О чем бы ни шла речь, как далеко бы ни залетала причудливая фантазия писателя, его снова и снова отбрасывает в тот маленький, бедный дом, где он родился при свете керосиновой лампы, где жила большая, дружная, суматошная семья, приехавшая в начале века в Америку в поисках счастья из Армении.

Детство было неустроенное, пришлось продавать газеты, жить некоторое время в детском доме, откуда мальчик много раз пытался бежать.

В детстве, может,
на самом дне,
Десять найду
сносных дней, —

мог бы повторить Сароян вслед за Маяковским. Но именно тогда и было счастье.

И дело здесь не в умиленности прошлым, свойственной определенному возрасту. Только в начале жизни видит Сароян те человеческие ценности, которые так были нужны ему на протяжении всех последующих лет, — ценности, которых ему так мучительно не хватает сегодня. Того, что было там, в доме, в семье, в связях человеческих. Там, где он впервые почувствовал неудержимый порыв к творчеству. Там, где мать показала ему рукописи, оставшиеся после отца. Отец был поэтом, втайне слагал стихи о луне и о любви, но пришлось ему стоять за прилавком. Стихов старшего Сарояна никто не читал, только сын — и то после смерти автора.

СРЕДИ КНИГ

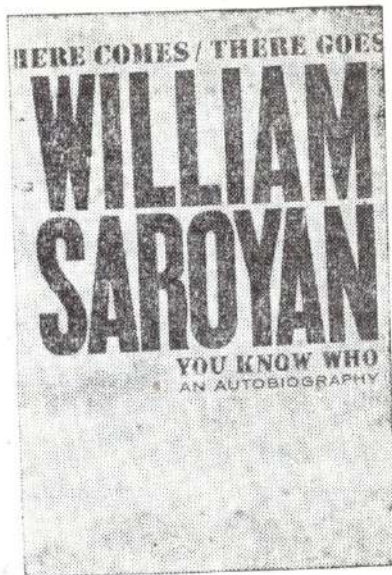
С детства на всю жизнь сохранились незабывшиеся ощущения — краски, запахи, вкус. Солдатом в 1944 году Сароян в Лондоне увидел гроздь винограда и купил ее, чтобы губами, небом дотронуться до своего детства. Остался запах свежее испеченного хлеба — мальчик окунался в этот запах, как только открывал глаза.

Дом, детство, семья для Сарояна — это еще и Армения. В 1960 году он побывал (впервые после 1935 года) в советской Армении. В книге «Вот приходит, вот уходит, сам знаешь кто» он то и дело нежно, любовно, благодарно обращается к горам Армении, к песням Армении, к людям Армении, вспоминает эту поездку, разговоры, впечатления.

Сароян подробно рассказывает, почему он возненавидел школу: «Армян считали существами низшими. Их угнетали, их ненавидели, а ведь я армянин. Я тогда не желал забывать об этом и теперь не желаю забывать, не потому что для меня важно, армянин человек или нет. Я возненавидел школу. Я возненавидел тот закон и тот порядок, при котором свободного человека унижают, заключают в какие-то пределы».

У многих остается в памяти содружество людей, с которым человек сталкивается в начале жизни, то место, где его помнят ребенком, где очень важны его жизненные успехи и промахи, где им гордятся или проклинают. Тот мир, где впервые ощущаешь себя частью целого. Такой своей «деревней» может быть и завод, и школа, и солдатское товарищество, и корабль, и институт. Принадлежность к «деревне» создает укрепляющую душу убежденность: я не один на земле.

Для Сарояна такая убежденность — одна из важнейших основ творчества. Для него «деревня», конечно, не только запах свежего хлеба, но и восприятие жизни и смерти, ответ на вопрос — для чего человек живет на земле.

Обычно людям трудно представить себе человечество, род людской, преемственность поколений. А вот в сарояновской «деревне» абстракция обретает плоть: бабушка, дед, родители, дети, внуки; родильный дом, школа, кладбище. Жили люди до меня и будут жить после меня — я лишь одно звено в роду. Смена естественна и проста. Даже смерть тоже естественна и проста.

Такие мысли, такие ощущения становятся теми опорами, на которых растет, развивается человек. В иных случаях эти опоры потом уже и не нужны. Человек и сам не упадет, он стоит прочно и уже не может воспринимать жизнь как «зону одиночества», мир без прошлого и без будущего, куда его случайно бросили, неизвестно зачем. Из этих связей вырастает то ощущение преемственности, которое пронизывает книгу Сарояна и в серьезных и в шуточных главах. Например, главу «Рукописи», где автор, отвечая на просьбу библиотеки конгресса передать ей свои рукописи на сохранение, размышляет о бессмертии, о том, что остается от человека.

Через несколько месяцев после издания первой книги Сарояна мать сказала ему: «Был бы ты простым рабочим, жил бы в мире с миром, и мне было бы гораздо радостнее, чем этот идиотский успех и все это сумасшествие». Но, став пи-

сателем, он уже не смог жить «в мире с миром», даже если бы и захотел. Настроения беспокойства, протеста, бунта — такие же неотъемлемые особенности его писательского призвания, как и ощущение причастности к «деревне».

Одни, беспокоя, тревожа своих читателей, исполняют этот долг и несут бремя художника гордо и радостно, другие — стойчески, воспринимая это как неизбежность. Для таких, как Сароян, необходимость тревожить очень печальна. Причастность к тому, что было в детстве, к Армении, к прошлому создает как бы первый, поэтический слой повествования в книге «Вот приходит, вот уходит, сам знаешь кто». А сознание отторгнутости от этого откладывает грустные, горестные наслоения. Горечь связана и с конкретными обстоятельствами биографии писателя, третий год как покинувшего Соединенные Штаты, где его одолевали налоговые инспектора; он мечется из Швейцарии во Францию, едет в Испанию, в Австралию и снова во Францию. И все эти путешествия не приносят ему удовлетворения. Лишенный родной страны, родного дома, он переезжает из гостиницы в гостиницу и везде бесконечно одинок*.

Лишь изредка видит Сароян своих детей, а ведь он, по его собственным словам, «отец по призванию». С затаенной нежностью вспоминает он малейшие подробности младенчества сына и дочери, их слова, жесты, рисунки, игры.

Привыкший к большой семье, клану, он остался один в стране чужого языка, среди чужих людей; он пишет для заработка бойкие безделки, не доставляющие ему ни малейшей радости.

* Соединенные Штаты за последнее время покинул не только Сароян, но и другие писатели: в Париже прожил последние пятнадцать лет своей жизни Ричард Райт, четыре года там находится Джеймс Джонс, несколько лет провел Джеймс Болдуин.

«Вот приходит, вот уходит, сам знаешь кто» — пожалуй, самая горькая книга Сарояна. Есть в ней и любопытные детали из творческой истории отдельных книг, есть интересные высказывания, позволяющие судить о его литературных вкусах. В противовес общепринятым в США суждениям Сароян высоко оценивает творчество Золя, Норриса, Дж. Лондона. Часто говорит Сароян о той неодолимой потребности писать, которая с детства стала главной страстью его жизни. Подчас он откровенно дурачит читателя (когда, например, утверждает, что ему необходимы карточные долги как стимул к творчеству). Есть в книге страницы, напоминающие скорее дневниковые заметки, черновые записи, сделанные для себя, совсем не предназначенные для чужих глаз.

О других людях в этой книге сказано мало. Но столкновения писателя с обществом почти всегда конфликтны. «Зачем живет человек? — пишет Сароян. — Чтобы быть единственным, неповторимым, — таков каждый человек от рождения, и эта единственность неисчерпаема, хотя в большинстве случаев эту единственность гасят, душат в самом зародыше». Подобно многим американским писателям, Сароян видит, как стандартизованное, механизированное общество обстругивает «единичность» и «единственность» личности.

В главе, названной «Паспорт», он рассказывает о том, как получил письмо из паспортного отдела госдепартамента. Это произошло вскоре после того, как «Литературная газета» опубликовала интервью с ним (1960 г.). Писателя настоятельно просили прокомментировать интервью, в котором была выражена недвусмысленная симпатия к Советскому Союзу. Сароян иронически замечает, что его почему-то никогда прежде не просили комментировать его многочисленные интервью, и заключает: «Вы хотели бы, чтобы я написал вам: «Успокойтесь... я пат-

риот. Я люблю Америку и ненавижу Россию...» Так вот этого я не сделаю».

Новая книга Сарояна — любопытна и позволяет вернее и кое в чем глубже судить об этом интересном писателе. Книга характерна и для настроений, присущих сегодня и другим американским писателям: страстные, напряженные поиски при-

частности, поиски самого себя, стремление ответить на вопрос «кто я такой?», сомнения в необходимости писательского труда и горькое одиночество. Все это — не только у одного Сарояна, все это в известной мере характеризует интеллектуальную, духовную жизнь Соединенных Штатов.

Р. ОРЛОВА

«ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — ВАРНА»

А. Геров. Герои.

Л. Дилов. Почивката на Баян Дарев.

И. Тодоров. Матросът и петимата.

В. Ханчев. Роза на ветровете.

«Държавно издателство — Варна». 1960 — 1962.

В последнее время, раскрывая книги болгарских писателей, часто можно увидеть внизу на титульном листе вместо привычного «Болгарский писатель» или «Народная молодежь» надпись: «Государственное издательство — Варна». Это книги, опубликованные недавно возникшим издательством. Создание двух новых издательств в Варне и Пловдиве, свидетельствующее о притоке молодых сил в литературу, о росте литературных кадров в городах, которые принято считать «провинцией», было с одобрением встречено общественностью Болгарии.

За время своего существования варненское издательство успело выпустить книги, которые не остались «местным» явлением и привлекли внимание читателей и критики. Книжки эти разнообразны. Среди них мы найдем произведения советских писателей. Здесь вышли «Ветер» Б. Лавренева и «Морские наброски» К. Паустовского, появился на книжных полках и «Зимний ветер» В. Катаева.

Есть среди изданного в Варне и книги для детей. Варненским издательством напечатаны произведе-

ния болгарских писателей среднего поколения, такие как повесть Ивана Мартинова «Вечный огонь» о жизни провинциальных артистов 20-х годов, самоотверженно служащих искусству. Или книга талантливого поэта Александра Герова «Герои», состоящая из трех поэм, посвященных памяти борцов, погибших в битвах против фашизма. В Варне появился и маленький сборник Веселина Ханчева «Роза ветров», куда вошли некоторые из стихотворений, включенных затем в сборник «Лирика», за который в этом году поэт удостоен Димитровской премии.

Однако главное направление в работе издательства — произведения молодых. «Кардиограммы» Д. Стойчева, «Исповедь» Б. Тодорова, «Порывы» Т. Йорданова — сборники вступающих в литературу поэтов. Новым шагом в творчестве молодого поэта Андрея Германова стал его второй сборник «Рабочий поезд».

В прошлом году издательство выпустило первый номер ежегодного альманаха «Просторы», в котором соб-

СРЕДИ КНИГ